

то обстоятельство, что Бернштейн в своей книге и Каутский в ответ на нее много различно истолковывают один и тот же цифровой данные, выяснившиеся, напр., германской промышленной статистики за 1882 г. и 1896 г. для распределения доходов в Саксонии между 1879 и 1894 г., показывают, что эти документы рисуют процесс капиталистической эволюции далеко не в том чистом и классически законченном виде, в каком приучили нас формулы марксизма. Сказано, здесь мы не имеем не становясь на ту почву принципиального скептицизма по отношению к статистике, стоя на которой Маршалл, Лабайр, говорят: «статистика, это — вещь, куда закончен, тут и конец». Нет, мы указываем лишь, что изучение данных в таком крупном и сравнительно простом, казалось бы, вопросе, как капиталистическая концентрация, не дает нам равносильных выводов, которые бы позволили без оговорок принять теорию фатального перехода современного строя к строй социалистический на основании лишь верооятностей эволюции. Стараемся избежать преувеличений буржуазной и мелко буржуазной школы, которая упорно и, к сожалению, далеко не безкорыстно отрицает всякую общую тенденцию к концентрации капиталов, или по крайней мере, что есть страны и есть классы отсюда производств, в которых уже упомянутый процесс концентрации если и происходит, то происходит с такою медленностью, что теория крушений на основании экономической необходимости должна отодвинуть свое практическое торжество к неопределенному будущему. Из числа таких стран относятся, напр., Франция, где индустриализация совершается сравнительно рано; где есть классы отсюда производств, отсюда выходящая великая характеристика производств; где, в особенности в земледелии, движение собственности принадлежит неопределенности, прототипическим, часто даже идущим против теории концентрации форм.

Земледелие, впрочем, во многих странах является главным препятствием для чистой формулы марксизма. И это читатель хотя бы книгу Каутского об «Агариновом во-

просе», не может не припомнить тех логических ухищрений, которые автор употребляет для того, чтобы вынуть земледельческое производство из рамки теории концентрации, равно как тех оговорок, тех ограничений, тех которыми он прибавляет, чтобы стереть социальную разницу между современным земледельцем и современным индустриальным, а также и тех фактов, что изучение земледельческой статистики различных стран указывает, в противоположность английской статистике, не на уменьшение, но скорее на действительное увеличение земельного владения. Правда, автор старается представить эти цифры лишь более или менее превращенными и истолковывать их в смысле благоприятном для обычной марксистской доктрины. Но даже и не для этого марксистов его доводы кажутся убедительными. Уже его попытка выдать классическое положение малой собственности крупную подвигать чуть ли не необходимость существования богатых двух родов собственности, — а именно крупного хозяйства, основанного на личном труде, и малой мужицкой собственности, поставившей рабочую силу созданию большому капиталу, — уже эта попытка достаточно ясно указывает на то, что, с точки зрения фактов в этой области сопротивляются их приложению к теоретической теории. Торжество формулы крушения в земледельческой сфере Каутский определяет главным образом от того, что индустрия является своей отраслью и в настоящее время сельское хозяйство, что различные отрасли сельского хозяйства не были превращены в простые отрасли промышленности; и что промышленная промышленность и крестьянская индустрия ита капиталистической собственности. Здесь категория желательного, очевидно, допустить свои пределы объективному ходу вещей.

Интересно, что в одной из статей в Ченг Иди, посвященных уже после выхода в свет «Агариновом во-просе», Каутский в особенности подчеркивает в смысле,